 © Авторы статьи / Authors of the article

КЛАССИЧЕСКАЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ/CLASSICAL, BYZANTINE AND MODERN GREEK PHILOLOGY

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.8 EDN: CJAOAN

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В РАЗВЕРНУТЫХ СРАВНЕНИЯХ В РИМСКОМ ЭПОСЕ I В. ДО Н. Э. – I В. Н. Э.

Научная статья

Котова А.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0001-9871-7840;
[1] Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (anastakot[at]gmail.com)

Предложена: 29.09.2026; Принята: 20.10.2026; Опубликована: 09.11.2026

Аннотация

Предметом исследования являются развернутые сравнения в римском эпосе I в. до н. э. – I в. н. э., образная часть которых содержит описание движения. Рассматриваются отдельные пассажи из «Энеиды» Вергилия, «Фарсалии» Лукана, «Аргонавтики» Валерия Флакка и «Фиваиды» Стация. Цель работы состоит в том, чтобы установить, какие особенности перемещения связывают основное действие с образом сравнения и какими языковыми средствами эти особенности выражены. При разборе учитываются значения глаголов и причастий, обозначения направления и пространственных ориентиров, наречия, повторы и ближайший контекст. В корабельной гонке из пятой книги «Энеиды» сравнение с колесницами подчеркивает скорость движения; у Лукана образ молнии развивает данную перед ним характеристику Цезаря как человека, не способного остановиться перед препятствием. Валерий Флакк сопоставляет находящихся ночью в море аргонавтов с путником на незнакомой дороге и тем самым связывает движение с потерей привычных ориентиров. У Стация выступление аргивян после немейской задержки получает развитие в картине кораблей, покидающих гавань. Рассмотренные примеры показывают, что для построения сравнения не требуется совпадения способов перемещения: достаточно отдельного общего признака, который в образной части получает более подробное выражение.

Ключевые слова: римский эпос, сравнение, движение, Вергилий, Лукан, Валерий Флакк, Стаций.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF MOTION IN SIMILES IN ROMAN EPIC POETRY OF THE I CENTURY BC – I CENTURY AD

Research article

Kotova A.V.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0001-9871-7840;
[1] St. Petersburg State University of Veterinary Medicine, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (anastakot[at]gmail.com)

Suggested: 29.09.2026; Accepted: 20.10.2026; Published: 09.11.2026

Abstract

The study focuses on similes in Roman epic poetry of the first century BC and the first century AD whose image component includes a description of motion. Selected passages from Virgil's "Aeneid", Lucan's "Bellum Civile", Valerius Flaccus' "Argonautica", and Statius' "Thebaid" are examined. The aim of the article is to determine which features of movement connect the main action with the comparative image and which linguistic means are used to express them. The analysis takes into account the meanings of verbs and participles, expressions of direction and spatial reference, adverbs, lexical repetition, and the immediate context. In the ship race in Book 5 of the *Aeneid*, the simile with chariots emphasizes speed. In Lucan, the image of lightning develops the preceding characterization of Caesar as a man who cannot be stopped by an obstacle. Valerius Flaccus compares the Argonauts sailing at night with a traveller on an unfamiliar road, thus associating movement with the loss of familiar landmarks. In Statius' poem the departure of the Argive army after the Nemean delay is developed through the image of ships leaving a harbour. The examples demonstrate that an epic simile does not require identical modes of movement: a particular shared feature is sufficient, and it may receive a much fuller expression within the comparative image.

Keywords: Roman epic, similes, motion, Virgil, Lucan, Valerius Flaccus, Statius.

Введение

Движение составляет значительную часть событийного ряда эпических поэм. Герои отправляются в путь и возвращаются, войска наступают или обращаются в бегство, противники преследуют друг друга, корабли пересекают море и участвуют в состязаниях. Само изменение положения в пространстве при этом может быть представлено очень по-разному: автор обращает внимание на скорость, направление, препятствия, исходную точку движения или, напротив, на отсутствие ориентиров, позволяющих понять, куда направляется герой.

 © Авторы статьи / Authors of the article

В исследованиях семантики движения учитываются не только значения собственно глаголов, но и другие элементы высказывания, участвующие в обозначении пути и способа перемещения [1, С. 17-24]. Для древнегреческого и латинского языков было показано, что пространственная информация может распределяться между глагольной основой и предложно-падежными конструкциями [2, С. 95-118]. В эпическом тексте к ним присоединяются средства, которые сами по себе не обозначают движения, но уточняют его характер: положение тела, описание окружающего пространства, последовательность действий или смена точки зрения.

Развернутое сравнение представляет в этом отношении особый материал. Дж. Фитч, рассматривая сравнения у Валерия Флакка, различает краткие *phrase-similes* и более самостоятельные *clause-similes*, образная часть которых содержит глагол [3, С. 113-114]. В последних движение может развертываться как отдельная небольшая сцена, не совпадающая с основным действием ни по участникам, ни по пространству.

Такая относительная самостоятельность образа сравнения хорошо известна и по материалу «Энеиды». Сравнение у Вергилия не обязательно повторяет уже сообщенную информацию, но способно добавить к ней новую деталь или сделать более заметной одну из сторон происходящего [4, С. 63-99]. Развернутые сравнения особенно характерны для речи повествователя и часто появляются в динамических эпизодах [5, С. 89-93]. В эпосе I в. н. э. вергилиевские модели продолжают использоваться, однако новый контекст меняет их значение и функцию [6, С. 3-20].

Для настоящей работы существенны случаи, в которых движение объекта и движение внутри сравнения устроены по-разному. Корабли у Вергилия уподобляются колесницам, Цезарь у Лукана — молнии, аргонавты Валерия Флакка — человеку, идущему ночью по незнакомой дороге, а выступление аргивян у Стация — отплытию кораблей. Такие сопоставления показывают, что общий признак не обязательно связан с одним и тем же физическим способом перемещения.

Цель работы — определить, какая характеристика движения становится значимой в каждом из этих сравнений и каким образом она выражается в образной части. Материалом послужили четыре фрагмента из римских эпических поэм I в. до н. э. – I в. н. э., представляющие различные случаи: усиление скорости, движение, не останавливающееся перед препятствием, потерю привычных пространственных ориентиров и окончание задержки перед дальнейшим путем.

Методы и принципы исследования

При цитировании «Энеиды» используется издание Р.А.Б. Майнорса [9], «Фарсалии» — издание Д.Р. Шеклтона Бейли [10], «Аргонавтики» Валерия Флакка — издание В.-В. Эйлерса [11], «Фиваиды» — издание Д.Р. Шеклтона Бейли [12].

В выборку вошли развернутые сравнения, где движение присутствует и в ближайшем повествовательном контексте, и в образной части. Сначала устанавливается, какая характеристика уже дана применительно к герою, войску или кораблю; затем рассматривается, что добавляет к ней сравнение. Особое внимание уделяется глагольным формам, обозначениям пути и препятствий, пространственным ориентирам и тем деталям образа, которые не имеют буквального соответствия в основной сцене.

Подобный порядок анализа позволяет различить сам способ перемещения и признак, на котором строится сравнение. Корабль и колесница движутся по-разному, однако могут быть сопоставлены по скорости; моряк и сухопутный путник находятся в разных пространствах, но одинаково теряют привычную возможность ориентироваться.

Основные результаты

3.1. Корабельная гонка и движение колесниц в «Энеиде»

Пятая книга «Энеиды» посвящена играм в память по Анхизу, первым состязанием на которых становится корабельная гонка. После сигнала четыре экипажа одновременно начинают движение, и Вергилий сразу же обращается к образу колесниц:

non tam praecipites biiugo certamine campum
corripuere, ruuntque effusi carcere currus,
nec sic immissis aurigae undantia lora
concussere iugis pronique in verbera pendent (Verg. *Aen.* 5.144–147).

Для «Энеиды» подобные сравнения характерны прежде всего для речи повествователя и особенно часто сопровождают действия персонажей и военные эпизоды [5, С. 89-93]. В приведенном месте сравнение непосредственно продолжает описание старта и относится к той же ситуации состязания.

Уже конструкция *non tam ... nec sic* задает особое соотношение между кораблями и колесницами. Вергилий не утверждает, что они движутся одинаково: колесничная гонка служит привычным образом стремительности, однако скорость кораблей оказывается еще выше.

Движение колесниц представлено прежде всего через глаголы *corripuere* и *ruunt*. В данном контексте *corripere* передает быстрый выход на пространство состязания, тогда как *ruere* усиливает впечатление стремительного продвижения. Смена перфекта настоящим временем также существенна: после совершившегося старта действие продолжается непосредственно перед читателем.

К *ruunt* примыкает *effusi carcere*. Колесницы не просто покидают *carcer*: *effusi* создает ощущение резкого выхода из пространства, до этого ограничивавшего их движение. По смыслу с этим согласуется и *praecipites*, уже в первом стихе задающее общую быстроту сцены.

Отдельная деталь относится не к колесницам, а к возницам: *proni ... pendent*. Наклоненные вперед тела как будто продолжают направление самого движения. Вергилий не обозначает скорость количественно, но делает ее видимой через положение человека, управляющего колесницей.

 © Авторы статьи / Authors of the article

В сравнении, таким образом, соединяются разные признаки стремительного старта: колесницы быстро покидают *carcer*, пересекают *campus*, возницы отпускают поводья и наклоняются вперед. Корабельная гонка при этом не повторяет ни одного из этих действий буквально. Общей оказывается быстрота, а отрицательная конструкция позволяет представить ее у кораблей как превосходящую уже созданный образ стремительного движения.

3.2. Цезарь и молния у Лукана

В первой книге «Фарсалии» сравнение с молнией входит в противопоставление Помпея и Цезаря:

nescia virtus
stare loco (Luc. 1.144–145).

Неподвижность оказывается для Цезаря невозможным состоянием. Несколькими стихами ниже Лукан вводит другой пространственный мотив:

inpellens quidquid sibi summa petenti
obstaret, gaudensque viam fecisse ruina (Luc. 1.149–150).

Здесь движение к цели соединено с препятствием: то, что *obstaret*, не заставляет Цезаря изменить путь, но разрушается, после чего возникает *via*. Именно вслед за этим появляется молния:

qualiter expressum ventis per nubila fulmen
aetheris impulsi sonitu mundique fragore
emicuit rupitque diem populosque paventes
terruit obliqua praestringens lumina flamma;
in sua templa furit, nullaque exire vetante
materia magnamque cadens magnamque revertens
dat stragem late sparsosque recolligit ignes (Luc. 1.151–157).

По сравнению с краткими *stare loco* и *viam fecisse* движение молнии описано гораздо подробнее. Оно начинается с *emicuit*, продолжается через *furit* и *exire*, а затем меняет направление: *cadens ... revertens*. В конце рассеянные огни вновь собираются — *sparsosque recolligit ignes*.

Особенно заметно связь с характеристикой Цезаря обнаруживается в *nullaque exire vetante / materia*. Перед этим уже было названо то, что могло бы оказаться на пути героя, — *quidquid ... obstaret*. Теперь возможная преграда появляется внутри природного образа, однако также не способна остановить движение.

Сочетание *cadens ... revertens* добавляет характеристику, которой не было в предварительном описании Цезаря. Молния сначала низвергается, затем возвращается, но оба направления приводят к одному результату — *magnam ... magnam ... stragem*. Повтор *magnam* связывает разные фазы движения общей разрушительной силой.

Наречие *late* показывает, что действие распространяется на значительное пространство. Финальное *sparsosque recolligit ignes* завершает образ не остановкой, а еще одним изменением: рассеянное вновь собирается.

Поэтому скорость сама по себе не исчерпывает основание сравнения. Важнее оказывается движение, которому трудно поставить предел: Цезарь не умеет *stare loco*, разрушает то, что *obstaret*, а молнию не удерживает *materia*. Образ развивает именно эту сторону характеристики героя.

3.3. Ночной путь в «Аргонавтике» Валерия Флакка

В начале второй книги «Аргонавтики» герои впервые проводят ночь в открытом море. Валерий Флакк предваряет сравнение указанием на исчезнувший из поля зрения берег:

ut faciem raptosque simul montesque locosque
ex oculis circumque graves videre tenebras (V. Fl. 2.39–40).

Корабль не останавливается, однако для находящихся на нем людей меняется само пространство. Горы и знакомые места больше не видны, а их отсутствие становится заметным именно потому, что до этого они служили естественными ориентирами.

После этого состояние аргонавтов объясняется через сухопутную сцену:

ac velut ignota captus regione viarum
noctivagum qui carpit iter non aure quiescit,
non oculis, noctisque metus niger auget utrimque
campus et occurrens umbris maioribus arbor,
haud aliter trepidare viri (V. Fl. 2.43–47).

Интересно, что мореплаватели сопоставлены здесь не с другим кораблем и не с моряком, а с человеком, находящимся на дороге [3, С. 113-114].

В начале образа сразу соединяются два значения: существует *regio viarum*, но она *ignota*. Путник, следовательно, окружен дорогами, однако не знает местности и не может уверенно определить, какой путь ему нужен. Эту неопределенность усиливает *noctivagum iter*: движение совершается ночью, когда привычные признаки пространства становятся менее различимыми.

Далее сам путь почти исчезает из описания, а на первый план выходит поведение человека: *non aure quiescit, / non oculis*. Он вслушивается и всматривается, пытаясь получить информацию о том, что его окружает. Неспокойны не ноги путника, а слух и зрение, поскольку именно они должны восполнить недостаток пространственных ориентиров. Даже видимые предметы не помогают ему. Открытый *campus* усиливает страх, а дерево кажется больше из-за теней — *umbris maioribus arbor*. Ночь изменяет восприятие того, что при дневном свете выглядело бы обычным и понятным.

У аргонавтов происходит нечто сходное. Их путь по морю продолжается, но исчезновение гор лишает путешествие привычной зрительной опоры. Поэтому *haud aliter trepidare viri* относится не просто к общему чувству страха, а к тревоге людей, которые движутся дальше, не имея возможности надежно соотнести себя с окружающим пространством.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Валерий Флакк использует здесь иную основу сопоставления, чем Вергилий и Лукан. Его интересует не усиление движения, а его продолжение в условиях, когда герой хуже понимает пространство, через которое проходит.

3.4. Выход из Немеи и отплытие кораблей в «Фиваиде» Стация

В седьмой книге «Фиваиды» завершается задержка в Немее, и аргивяне вновь направляются к Фивам. Этот переход имеет значение и для композиции поэмы: после событий в Немее повествование возвращается к основной военной линии [8, С. 76-82].

Стаций сначала обозначает начало движения очень кратко:

praecipitant redimuntque moras.

Затем тот же момент получает значительно более подробное изображение:

sic litora vento
incipiente fremunt, fugitur cum portus; ubique
vela fluunt, laxi iactantur ubique rudentes;
iamque natant remi, natat omnis in aequore summo
ancora, iam dulcis medii de gurgite ponti
respicitur tellus comitesque a puppe relicti (Stat. *Theb.* 7.139–144).

Морская образность имеет для похода Семерых более широкое значение. Р. Паркс связывает его с традицией об аргонавтах и показывает, что Стаций неоднократно сближает сухопутный поход аргивян с морским путешествием [7, С. 778-786]. Ч. МакНелис также обращает внимание на морские образы, сопровождающие продвижение войска [8, С. 81-82, 101].

В приведенном месте сходство особенно явно связано с началом движения: *redimunt moras* сообщает, что задержка закончена; сравнение показывает, как выглядит подобный переход, если развернуть его во времени.

Первое изменение связано с ветром — *vento incipiente*. Затем *fugitur ... portus*: гавань уже покидают. В следующих стихах движение распространяется на детали корабельного оснащения — *vela fluunt, iactantur ... rudentes*. Дважды повторенное *ubique* создает картину общего отплытия, в которое одновременно включено множество судов.

Повтор *iam* выполняет другую функцию: он обозначает последовательные стадии удаления — сначала на воде находятся весла, затем всплывает якорь, наконец земля видна уже *medii de gurgite ponti*. Пока якорь находится на дне, корабль связан с определенным местом; *natat ... ancora* означает, что эта связь прекратилась. Окончание стоянки оказывается выражено через движение предмета, который прежде обеспечивал неподвижность.

Последние два стиха меняют перспективу. Земля и оставшиеся люди воспринимаются теперь с моря — *respicitur tellus, comitesque a puppe relicti*, прежнее место пребывания уже находится позади.

Аргивяне и корабли перемещаются различным образом, однако в данном сравнении важно не это. Общим является окончание задержки: короткое *redimunt moras* развивается в последовательную сцену, где неподвижность сначала нарушается, а затем исходная точка все больше удаляется.

Заключение

В рассмотренных сравнениях движение объекта и образа ни разу не совпадает полностью. Корабли Вергилия сопоставлены с колесницами, Цезарь — с молнией, аргонавты — с сухопутным путником, а войско Стация — с отплывающим флотом. Для возникновения сходства этого полного совпадения и не требуется.

Вергилий выбирает из колесничной гонки прежде всего стремительность. *Corripuere, ruunt, effusi* и *proni ... pendent* образуют картину быстрого старта, однако *non tam ... nec sic* показывает, что корабли должны восприниматься как еще более быстрые.

У Лукана сравнение продолжает мысль, уже выраженную перед ним: Цезарь не способен *stare loco*, препятствие *obstaret* превращается для него в разрушенный путь; внутри образа молнии этому отвечает *nulla ... vetante materia*. Поэтому существенным оказывается не только быстрый характер действия, но и невозможность его сдержать.

В сравнении у Валерия Флакка непосредственное физическое движение отступает на второй план. Сходство между аргонавтами и ночным путником возникает благодаря тому, что оба продолжают путь после исчезновения привычных ориентиров, — именно этим объясняются *ignota regio*, напряжение слуха и зрения и искаженное восприятие окружающих предметов.

У Стация короткое обозначение конца задержки получает целую сцену продолжительностью в несколько стихов. Ветер начинает дуть, корабли покидают порт, поднимается якорь, берег остается позади — сравнение тем самым показывает не просто движение, а сам переход к нему.

Лексические средства во всех четырех случаях различаются. Наряду с собственно глаголами движения используются причастия, наречия, отрицательные конструкции, повтор, обозначения предметов и пространства. Их функция также зависит от конкретного эпизода: одно сравнение усиливает скорость, другое показывает отсутствие преграды, третье объясняет тревогу, четвертое развертывает кратко названное начало пути.

Развернутое сравнение благодаря этому оказывается не параллельным описанием того же самого события, а способом выделить в нем отдельную характеристику и сделать нужный признак более отчетливым.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов журнала Russian Linguistic Bulletin.

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.8.1

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the Russian Linguistic Bulletin.

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2026.83.8.1

 © Авторы статьи / Authors of the article

Список литературы / References

1. Stolova N.I. Cognitive Linguistics and Lexical Change: Motion Verbs from Latin to Romance / N.I. Stolova. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2015. — 261 p. — DOI: 10.1075/cilt.331.

2. Iacobini C. How Should a “Classical” Satellite-Framed Language Behave? Path Encoding Asymmetries in Ancient Greek and Latin / C. Iacobini, L. Corona, N. De Pasquale [et al.]; edited by S. Luraghi, T. Nikitina, C. Zanchi // Space in Diachrony. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2017. — P. 95–118. — DOI: 10.1075/slcs.188.04iac.

3. Fitch J.G. Aspects of Valerius Flaccus’ Use of Similes / J.G. Fitch // Transactions of the American Philological Association. — 1976. — Vol. 106. — P. 113–124.

4. Lyne R.O.A.M. Words and the Poet: Characteristic Techniques of Style in Vergil’s Aeneid / R.O.A.M. Lyne. — Oxford : Clarendon Press, 1989. — 209 p.

5. Котова А.В. Сравнения в речи повествователя и персонажей как традиционные элементы стиля эпического текста (на материале «Энеиды» Вергилия) / А.В. Котова // Studia Litterarum. — 2022. — Т. 7. — № 3. — С. 84–109. — DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-84-109.

6. Hardie P. Flavian Epicists on Virgil’s Epic Technique / P. Hardie // Ramus. — 1989. — Vol. 18. — № 1–2. — P. 3–20. — DOI: 10.1017/S0048671X00003015.

7. Parkes R. The ‘Argonautic’ Expedition of the Argives: Models of Heroism in Statius’ Thebaid / R. Parkes // The Classical Quarterly. — 2014. — Vol. 64. — № 2. — P. 778–786. — DOI: 10.1017/S0009838814000354.

8. McNelis C. Statius’ Thebaid and the Poetics of Civil War / C. McNelis. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 203 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511483042.

9. Vergili P. Maronis Opera / P. Vergili; edited by R.A.B. Mynors. — Oxford : Clarendon Press, 1969. — 452 p.

10. Annaei M. Lucani De bello civili libri X / M. Annaei; edited by D.R. Shackleton Bailey. — Stuttgart : B.G. Teubner, 1988. — 321 p.

11. Valeri C. Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo / C. Valeri; edited by W.-W. Ehlers. — Stuttgart : B.G. Teubner, 1980. — 217 p.

12. Statius P.P. Thebaid. Books 1–7 / P.P. Statius; edited and translated by D.R. Shackleton Bailey. — Cambridge, London : Harvard University Press, 2003. — 472 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Stolova N.I. Cognitive Linguistics and Lexical Change: Motion Verbs from Latin to Romance / N.I. Stolova. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2015. — 261 p. — DOI: 10.1075/cilt.331.

2. Iacobini C. How Should a “Classical” Satellite-Framed Language Behave? Path Encoding Asymmetries in Ancient Greek and Latin / C. Iacobini, L. Corona, N. De Pasquale [et al.]; edited by S. Luraghi, T. Nikitina, C. Zanchi // Space in Diachrony. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2017. — P. 95–118. — DOI: 10.1075/slcs.188.04iac.

3. Fitch J.G. Aspects of Valerius Flaccus’ Use of Similes / J.G. Fitch // Transactions of the American Philological Association. — 1976. — Vol. 106. — P. 113–124.

4. Lyne R.O.A.M. Words and the Poet: Characteristic Techniques of Style in Vergil’s Aeneid / R.O.A.M. Lyne. — Oxford : Clarendon Press, 1989. — 209 p.

5. Kotova A.V. Sravneniya v rechi povestvovatelya i personazhei kak traditsionnie elementi stilya epicheskogo teksta (na materiale "Eneidi" Vergiliya) [Similes In Narrator’s And Characters’ Speech As Traditional Elements Of Epic Style (On The Material Of Virgil’s "Aeneid")] / A.V. Kotova // Studia Litterarum. — 2022. — Vol. 7. — № 3. — P. 84–109. — DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-84-109. [in Russian]

6. Hardie P. Flavian Epicists on Virgil’s Epic Technique / P. Hardie // Ramus. — 1989. — Vol. 18. — № 1–2. — P. 3–20. — DOI: 10.1017/S0048671X00003015.

7. Parkes R. The ‘Argonautic’ Expedition of the Argives: Models of Heroism in Statius’ Thebaid / R. Parkes // The Classical Quarterly. — 2014. — Vol. 64. — № 2. — P. 778–786. — DOI: 10.1017/S0009838814000354.

8. McNelis C. Statius’ Thebaid and the Poetics of Civil War / C. McNelis. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 203 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511483042.

9. Vergili P. Maronis Opera / P. Vergili; edited by R.A.B. Mynors. — Oxford : Clarendon Press, 1969. — 452 p.

10. Annaei M. Lucani De bello civili libri X / M. Annaei; edited by D.R. Shackleton Bailey. — Stuttgart : B.G. Teubner, 1988. — 321 p.

11. Valeri C. Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo / C. Valeri; edited by W.-W. Ehlers. — Stuttgart : B.G. Teubner, 1980. — 217 p.

12. Statius P.P. Thebaid. Books 1–7 / P.P. Statius; edited and translated by D.R. Shackleton Bailey. — Cambridge, London : Harvard University Press, 2003. — 472 p.